

Седакова Татьяна Витальевна,
старший научный сотрудник Псковского
государственного объединенного историко-
архитектурного и художественного музея-
заповедника

М. В. ЯМЩИКОВА «О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ» В ПИСЬМАХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

2017-й – год 145-летия со дня рождения Маргариты Владимировны Ямщиковой (1872-1959), писавшей под псевдонимом Ал. Алтаев популярные и увлекательные книги для юношества: жизнеописания художников эпохи Возрождения – Рафаэля, Микеланджело, Леонардо да Винчи, композиторов – Бетховена, Чайковского, Глинки; исторические романы о вождах народных движений в разных странах – Гарибальди, Я. Жижке, Я. Гусе, Марате; воспоминания о деятелях русского искусства конца XIX – начала XX века – «Памятные встречи» и «У стен театра». Согласно «Большой советской энциклопедии», Ал. Алтаеву принадлежит 150 книг.

М. В. Ямщикова родилась в Киеве, но считала себя псковичкой, т. к. её отец Владимир Дмитриевич Рокотов, актёр и драматург, предводитель дворянства Великолукского уезда Псковской губернии, потомок художника-портретиста XVIII в. Фёдора Рокотова, был псковичом. Сама Маргарита Владимировна не раз бывала в Пскове, долгие годы проводила лето и начало осени в бывшей дворянской усадьбе Лог Гдовского уезда, недалеко от д. Лосицы (1895-1958).

В Древлехранилище Псковского музея-заповедника фонд Ал. Алтаева – один из самых больших среди «писательских» (1100 ед. хр.). В фонде несколько коллекций писем 1940-50-х гг.

(284 ед. хр.), значительная часть посланий относится к последним годам жизни писательницы. Под многочисленными письмами обычно стоит подпись «Ал. Алтаев» (мужской псевдоним, взятый из рассказа Я. П. Полонского, поддержавшего писательский труд М. В. Ямщиковой), иногда – «Старик Алтаев», «Твой старый Алтаев», «Старый мизантроп Алтаев».

... Она была уже так стара, что называла себя «старуляндией на краю могилы» (14141/34 14.06.1952 г.)¹, «старушкой – божий дар, весьма жалкого свойства» (11842/68 15.02.1956 г.)².

... Она была так больна, что с трудом передвигалась даже по комнате; теряла зрение и уже не могла читать; разрушалось тело, слабели руки, а *перо* по-прежнему оставалось верным товарищем в работе над книгами и в переписке.

Летели письма из Лога, из московской гостиницы «Метрополь», из санатория в Старой Рузе – к друзьям: О. К. Гориневской – хозяйке «большого» дома в Логу, которую Маргарита Владимировна знала еще девочкой и считала «второй дочерью»; родным профессора А. П. Нечаева, профессионального революционера, писателя, учителя и друга Маргариты Владимировны; жене и дочери общественного деятеля и редактора В. И. Невского; музыковеду И. Ф. Кунину – «симбиозу» (11842/48 1.07.1955 г.), «братицу», «Вергилию» (11842/27 31.07.1953 г.) – «проводнику» в работе над книгой о Чайковском; Ю. Д. Гиттерман – дорогой «Юдифочке» – литературному редактору, близкому по духу человеку, к которой обращено трогательное признание: «Вы – своя, совсем своя. Вас всегда не достаёт»³ (14141/20 17.07.1951 г.).

М. В. Ямщикова. Гравюра Н. И. Калиты

Письма эти, длинные и обстоятельные, или короткие, на почтовых карточках, – это образец эпистолярного жанра, урок человечности и достойной старости, урок преодоления, рассказ «о времени и о себе». Они, исполненные одухотворенных образов Лога, творческого труда, многострадальной родины, «маленького человека» с его горестями и радостями, воссоздают образ старой писательницы, всегда с *пером* в руках, с открытым состраданию сердцем.

«Медвежий угол»

В усадьбу Лог М. В. Ямщикова приезжала с 1895 года.

М. В. Ямщикова. 1910 г.

В 1926 г. она купила флигель в 3½ комнаты поблизости (*в 160 шагах*) от бывшего помещичьего дома, принадлежавшего О. К. Гориневской, и с тех пор бывала здесь ежегодно, исключая военное время, вместе с дочерью Люсей (актрисой и писательницей Л. А. Ямшиковой-Дмитриевой). Последний раз – в 1958 г.

Лог всех приводил в восторг: хозяев и гостей. Это «рай», «родина души».

Вот фрагменты из писем Маргариты Владимировны, «Ал. Алтаева», как обычно она подписывалась:

«Солнце светит вовсю», и «лужок перед домом напоминает яркие пейзажи Крымова» (14141/7 6.06.1950 г.). Здесь, в «медвежьем углу» (35627/1 1.09.1950 г.)⁴, – настоящий русский лес: «... лоси, медведи, рысь, волки, птиц уйма всяких, е-н-о-т-ы... волки с гривами, громадные, прибежали во время войны из Си-

бири, а енотов пустил в... леса "для разводки" один питомник и их заповедали не стрелять... волки режут скот около самых усадеб, хотя на человека никогда не нападают» (14141/11 26.07.1950 г.), хотя и «пробегают порой по утрам под самыми окнами». А еще – «пропасть ядовитых змей. Много пернатой дичи, а охотников нет» (14141/20 17.07.1951 г.). В изобилии земляника, черника, малина, даже морошка, а к осени – грибы. «... Воздух дивный, цветет целой стеной у дома сирень, белая и лиловая; низко в дупле сосны у дома – скворцы; тут же стучит дятел; ползает поползень; кукует кукушка и даже поет соловей, но малыши, неумело, а старого нет, чтобы научить. Но в бочку меду – ложка дегтя – комары, тучи комаров невиданных в жизни... // Цветут в палисаднике... розы; в лесу любка, напоминающая немного видом ландыши и очень душистая к ночи... Вообще хорошо» (35627/29 21.06.1954 г.). «Красота бесподобная» (14141/20 17.07.1951 г.).

Дом в Логу

Обитательницы Лога жили «на два дома». Маргарита Владимировна с дочерью в начале лета занимали домик в 3½ комнаты. Как похолодает, переселялись в «большой» дом, к Ольге Гориневской – «остатки чего то Тургеневского»; «вся обста-

новка просторных комнат дома архитектуры деревенского русск. ампира»; «павловская мебель карельской березы, рояль»; портреты Паганини и Чайковского, бюсты Бетховена и Листа, библиотека классиков... «Дом обвит рдеющим... виноградом; большой цветник маскирует "прозу" огорода; рядом – спуск к колодцу под липами с родниковой водой, крутой, почти, как в овраг, и дорога ведет к чудесной Плюссе, в кот. вода так прозрачна, что, войдя по плечи [в воду], видишь песчаное дно и снующих рыбок...» (35627/3 15.09.1950 г.). В гостиной «большого» дома птичьи гнезда и «над роялем носятся ласточки» (14141/9 17.07.1950 г.). Идиллическая картина.

В конверты с письмами Маргарита Владимировна вкладывает то засушенный в книге цветок, то листочек. «Кстати о сентиментальности: посылаю Вам лист винограда и очаровательную веточку кларкии из цветника. Она необычайно грациозна, и не понимаю, почему не популярна...», – заканчивает она одно из писем И. Ф. Кунину (35627/3 15.09.1950 г.).

Гостивший в Логу зав. отделом классики Детгиза Б. В. Лунин назвал и Лог, и жизнь его обитателей «уникальными» (17361/15 16.08.1955 г.)⁵.

Одна из примет этой «уникальности» – неперенное чтение. М. В. Ямщикова в письме Ю. Д. Гиттерман: «Читаем много и вслух, и каждый для себя. Прочли Федорова "Каменный пояс"... Читали Дрейзера "Дженни Гердхард"... Читали милого Диккенса, всегда обаятельного, "Лавку древностей", точно вдыхали в себя запах ландышей. Читаем с восторгом Алексея Толстого. Вот талантище-то современный. Каждый рассказ – шедевр, уж не говоря о Петре... // Читаем Льва Толстого... О философии его не стану говорить, – я никогда не была его поклонницей» (14141/22 2.08.1951 г.). Маргарита Владимировна делится впечатлениями о прочитанном в письмах: потрясла картиной «человеческого муравейника» «Американская трагедия» Т. Драйзера. «Каменный пояс» Федорова взбудоражил мрачностью картин. Вслух читали Людмила Андреевна, Ольга Константиновна (та, правда, так уставала за день, что порой сбивалась, задремывая) и девочка, помогавшая по дому. Книги расширяли границы уютного Логовского мирка.

С наступлением долгих и темных ночей, обострением болезней хрупкая идиллия давала трещину.

Старая писательница признается в письмах Ю. Д. Гиттерман: *«Вообще Лог восхитителен, а я плоха, ибо бессовестно трушу, как только ночи темнее и длиннее, и не могу спать от страха, все чудится...»* (14141/94 24.08.1954 г.), *«уж скорее бы конец... Поймите: природа для меня уже не существует: передо мною воздух – рассыпанное кружащееся золотое просо, сквозь кот. просвечивает однообразный линияло-зеленый театральный задник, что я вижу с балкона. Ни леса, ни реки. И мертвая тишина кругом: ни животных, ни людей... Вдобавок – кругом крысы, по ночам гремят, и большущая прячется у меня под диваном»* (14141/123 25.08.1957 г.), *«нервы сквернявы до невозможности»*. Излишняя забота раздражает. Ведь Маргарита Владимировна *«ужасно»* любит... сказку *«Колобок»*, предпочитает *«делать все сама»* и признается, что ее *«идеал – Робинзон»* (14141/7 6.07.1950 г.). Ее тянет в город, поближе к библиотекам и редакциям, литературным разговорам и электричеству (не случайно дочь зовет ее *«урбанисткой»*).

И все-таки она наслаждалась простором, воздухом, зеленью, а главное – у нее был свой угол и свой стол! *«Так будь же благословен»* тот стол, что купила М. В. Ямщикова в 1895 г.! За этим столом написаны многие книги Ал. Алтаева, здесь шла работа над *«Глинкой»* и *«Чайковским»*, над книгами о художниках эпохи Возрождения. Маргарита Владимировна работала вдохновенно, погружаясь в эпоху, в которой жили герои. Она молила И. Ф. Кунина присылать ей материалы для работы над книгой о Чайковском, чтобы не тосковать от *«бездействия пера»*, ведь *«вынужденный отдых каторга»*. П. И. Чайковский был так близок и дорог, что она видела его во сне, любила и не любила людей, его окружавших, задумывалась над магией числа «6» в его жизни.

Эпоха Возрождения подарила встречу с титанами. Леонардо да Винчи заврожил гениальностью и загадочной улыбкой Джоконды, которую она... разгадала! Мона Лиза рассмеялась, беседа с мастером, и тут же спрятала улыбку, не желая, чтобы момент ее искренности был неправильно истолкован. Писательница так сживалась со своими героями, столько души вкладывала

Маргарита Владимировна признавалась в письмах: «... я молила, чтобы у меня осталась до конца жизни мысль, – пусть лучше не ходят ноги. Так и вышло...» (14141/22 2.08.1951 г.). *«Зрение мое до того падает, что, думаю, скоро я не стану мочь писать даже письма. С этим, рука об руку, идет падение моего «пульса жизни» и растет тоска и отчаяние. Жить, не создавая, я не в силах. Какие угодно горести лучше, чем - инертное состояние в сознании образа и мысль, не облеченная в форму. Никакая привязанность к человеку не может уничтожить тоски от безделья и не родилось того человека, кот. мог бы мне заменить радостное творчество»* (14141/123 25.08.1957 г.).

Только творчество, *«адский аппетит к работе»* (11842/50 16.07.1955 г.) дают силы жить. Бренное тело разрушается, а бессмертная душа страстно сопротивляется старческой слабости и не боится *«косой»*, которая уже где-то рядом.

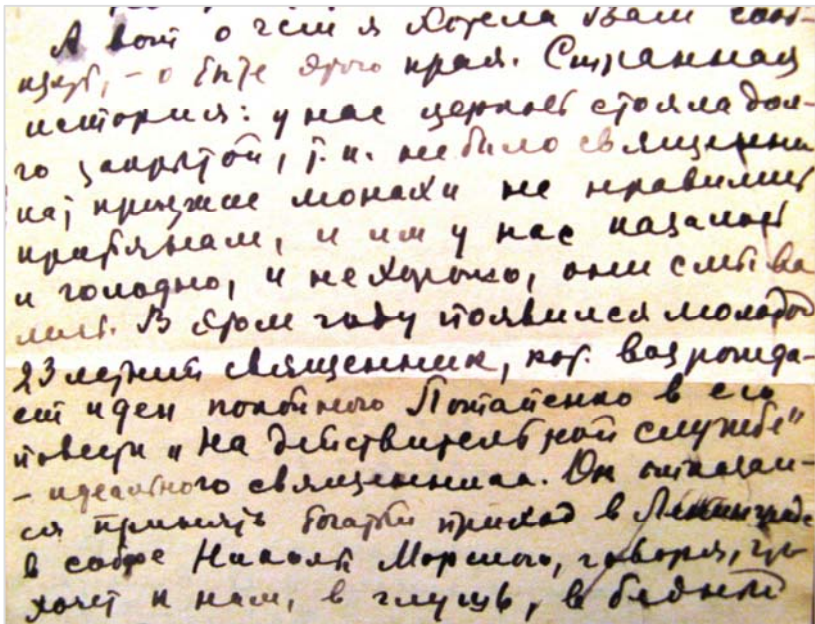
Ал. Алтаев трудится без устали, *«как ремесленник, ежедневно»* (11842/29 13.08.1953 г.).

Как бы ни увлекала история далеких героических эпох, из глубин веков возвращала работа над воспоминаниями о современниках: художниках, литераторах, артистах – и хроникой *«Забытый угол»*. Обдумывая *«Эпилог»* этого огромного труда, Маргарита Владимировна хотела назвать его *«Человеческое»*. На идею ее однажды натолкнула нищенка, уроженка тех мест. Она рассказала *«всю свою жизнь, и о благородных поступках своих обидчиков»*. Главная идея истории понравилась писательнице: *«у всякого человека, даже очень дурного, могут быть великодушные, благородство, даже чудесные поступки»* (35627/48 12.08.1958 г.).

Так *«из деревенских портретов, ярких и оригинальных»* (14141/26 15.09.1951 г.), сложилась галерея образов местных жителей, *«святых и грешных»* (А. Т. Твардовский). Многие из этих портретов не только запечатлены в *«Хронике»*, но и попали на странички писем, адресованных Ю. Д. Гиттерман и И. Ф. Кунину, например, *«идеальный священник»*, *«дон Лудило да Клепало»*, старик, взрастивший свой сад на пепелище, и многие другие.

«Идеальный священник»

Местная церковь долго стояла закрытой, т. к. не было священника. Приезжие монахи не нравились крестьянам, да и тем казалось «и голодно, и не хорошо, они смывались». И вот появился молодой 23-летний священник. «Он отказался принять богатый приход в Ленинграде в соборе Николая Морского, говоря, что хочет... в глушь, в бедный приход, к крестьянам, кот. он больше нужен, чем горожанам, и нужды не боится, женился (священник должен быть женат)... а приехав, влюбил в себя все население. Он приходит к больным, беднякам, читает им, утешает; за службу на дому и исповедь... берет только то, что ему дают, у кого есть; спрашивает, есть ли... куры, и в бедное хозяйство приносит яйца, а детям часто в праздник сует конфеты. Говорит так, что бабы плачут, а... пьяница Лудило да Клепало, ярый атеист, говорит, что он своими словами разбредил ему душу» (35627/29 21.06.1954 г.).

А вот о том в Лужском крае. Священник
ищет: у нас церковь стояла до
го закрытой, т. к. монахи св. монахи
и приехали монахи не нравились
крестьянам, и им у нас казались
и голодно, и не хорошо, они смыва
лись. В этом году появились монахи
и первый священник, пог. Возрожде
ния и ден. покаяния Лужского в е
повесть и на действительной службе
- идеального священника. Он отказал
ся принять богатый приход в Ленинграде
в соборе Николая Морского, говоря, что
хочет и нам, в глушь, в бедный

Из письма И. Ф. Кунину от 21 июня 1954 г.

«Дон Лудило да Клепало» и другие

«*Ярый атеист*», тронутый до глубины души проповедями священника, – жестянщик Калинин, по прозвищу «дон Лудило да Клепало», помогавший в Логу по хозяйству: то крышу починит, то крыльцо подправит, то вещи перенесет из маленького дома в большой... Хозяйки его жалели, видели в нем человека, а «*кругом население*» – презирало и за пьянство, и за бедность, и за то, что пришлый («с войны»), «*чужак*».

Этот «*талантливый и честный, но пропащий человек, оказался музыкантом, игравшим когда то в оркестре народных инструментов*». Маргарита Владимировна рассказывает, что «*купила ему тогда в подарок балалайку с тем, что, когда у него тоска, (у него умерла хорошая женщина жена), пусть вместо водки берется за балалайку*» (11842/36 20.09.1953 г.), а он «*играл, плакал и все-же пил*» (11842/43 18.09.1954 г.).

Из письма Ю. Д. Гиттерман: «... *серый, едва грамотный, говорящий, что знает, кто ввел в России картошку – Тарас Бульба, почему на юге зовут украинцы «бульба»... жестокий пьяница, кот. мог выпить сразу 4½ литра водки, но честный и с сердцем, а кроме того – с творческой жилкой, талант. Он все умел, все спорилось в его руках, – умел ремонтировать даже трактор, чинил часы. У нас в доме всюду следы его рук и заботы: даже мой пингвин-ручка напоминает его починку. И любил он нас по настоящему... Иногда ему буквально нечего было есть, – ведь не всегда есть рукодельная работа в деревне, и я давала ему деньги вперед...» (11842/43 18.09.1954 г.).*

Старый мастер умер от «*злейшей чахотки*». Равнодушные пасынки даже не похоронили его «*пристойно*», хотя деньги на похороны у Маргариты Владимировны взяли. Она же мучилась сознанием вины перед этим несчастным, но одаренным от природы и беззаветно преданным ей человеком...

Дорог Ал. Алтаеву и бывший пастух, вдовец, приютивший во время войны «*старушку-еврейку с двумя дочерьми*». Когда пришли немцы, он поручился, что они не еврейки, делился последним. Повзрослевшие девочки выучились и уехали, наказав матери ухаживать за стариком, посылают деньгами, а «*старуш-*

ка заботится о старике, чтобы он был чист, делает уют, и так живут». «Замечательно, правда?» – спрашивает Маргарита Владимировна у И. Ф. Кунина (14141/11 26.07.1950 г.).

В другом письме она рассказывает о добром друге, называвшем ее «сестрой». Это «ночной сторож 75 лет, 25 лет сторожил... коров, лошадей, хлеб. Погорел и в 9 лет сроку выстроился, как прежде, вырастил сад в 80 яблонь, развел пчельник, мыслит, читает, знает хорошо библию, горюет, что сгорели 4 тома истории Егера», «любит книгу» (14141/32 23.08.1951 г.). Когда-то он заведовал книжными складами знаменитого издательства «Нива».

Из письма Ю. Д. Гиттерман запоминается история жившего в трех километрах от Лога учителя с университетским образованием: «... лишенный способности двигаться получеловек», лежа, он делал коллекции для школ, «изящно помещая чучела... животных в коробки со стеклами», делал гитары и аккордеоны, ездил с фотоаппаратом по окрестностям и снимал виды природы. Знал, что «не сегодня-завтра умрет, а лицо спокойное, улыбка на губах и разговор примиренного с жизнью человека. Интеллигентные «живые мощи» (11842/1 20.08.1950 г.).

«Есть милые дети», – пишет Маргарита Владимировна. Среди них выделяется мальчик, больной туберкулезом. Ему 17, а выглядит, как 14-летний. Легкие безнадежно повреждены. «А личико одухотворенное, как у детей – школьников Богданова-Бельского...» (14141/32 23.08.1951 г.).

Колхоз

Вечные библейские типы страдающих и жертвенно великодушных, лишенных всего, но не зачерстневших сердцем стариков, старух, детей... От их «маленьких трагедий» щемит большое сердце писательницы. Положение крестьян, их «жалкое существование» – это и ее боль. «У нас – нищета» (17361/15 16.08.1955 г.), – читаем в письме к Л. В. Невской.

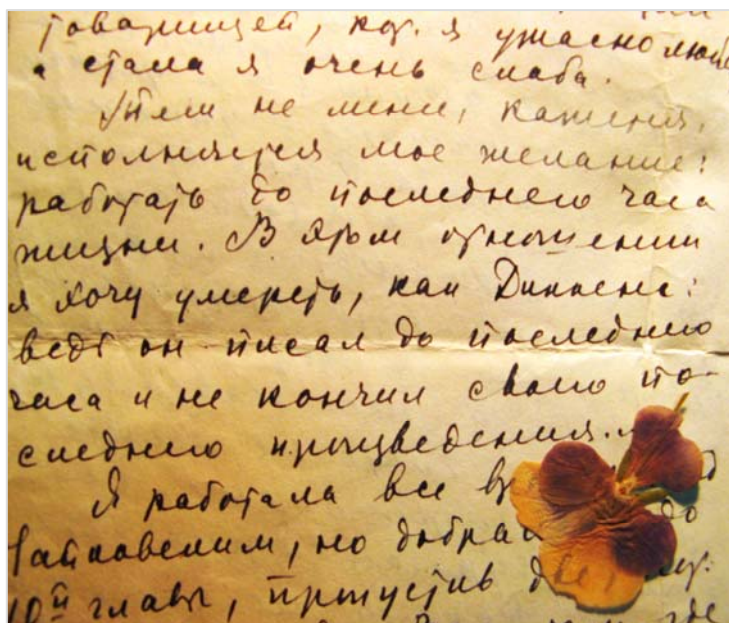
Боль за гибнущую деревню сквозит и в других фрагментах писем разным адресатам:

«Страна дикая и забытая, колхозы гибнут. Ближний колхоз – 20 человек работников; вся молодежь – в городе, остались

старики да бабы. Строения разваливаются, деревни пустеют; скота почти нет. Характерно: место исключительно богато пастбищами, заливные луга всюду с чудными травами, а зимою скот подвешивали на веревках, – не стоял, – и резали баранов и коров, а лошадей расстреливали, оставляя только лучших, из-за того, что нет корма, хотя трава и хлеб необрунными оставались под снегом, так как частным хозяйствам запрещено... И все в таком роде... ужас...» (14141/52 18.06.1953 г.);

«Очень жаль крестьян, они голодают. Хлеб дают редко, в лавках дежурят ночь и ходят за 9 верст, чтобы, продежурив, получить буханку. С покосом тоже плохо... Что-то не так делается» (14141/32 23.08.1951 г.);

«... мучительно смотреть на бедствия крестьян: дожди и холод их сгубили: нет сена, нет хлеба, гибнет даже картошка. Скот придется или резать, или продавать. Хлеб едят по мал. кусочку. Раскрылись и потекли крыши и нет соломы их крыть...» (11842/15 1.10.1952 г.);

Из письма И. Ф. Кунину от 1 октября 1952 г.

«У нас сегодня под окном на лужке ожеребилась красавица кобылка, чудных кровей... Трагедия в том, что через 3 дня жеребенка застрелят. Здесь так делают, не разводя лошадей... п. что нет телег во что запрягать, а на моих глазах сгнил возле нас на дороге прекрасный тарантас, не убранный никем под крышу. Вот она культура! О школе писать, – не хватит ни бумаги, ни сил, – это сплошной ужас пьянства и разврата на глазах школьников...» (14141/94 24.08.1954 г.);

«Здесь много тяжелого в быту. Председатель с/совета... повесился после партийного собрания с выговором, что он решил дать крестьянам 50% сена, а не 10%, как раньше, и сено приказали отобрать.

Сушь и тепло стоит необычайная, и много пожаров. Жутко слушать рассказы о погорельцах. Вообще уже не услышишь ни пения, ни смеха, страна, как на похоронах...» (14141/26 15.09.1051 г.).

В газетах пишут о кооперативном движении, и Маргарита Владимировна надеется, что это поможет крестьянам встать на ноги.

После смерти Сталина

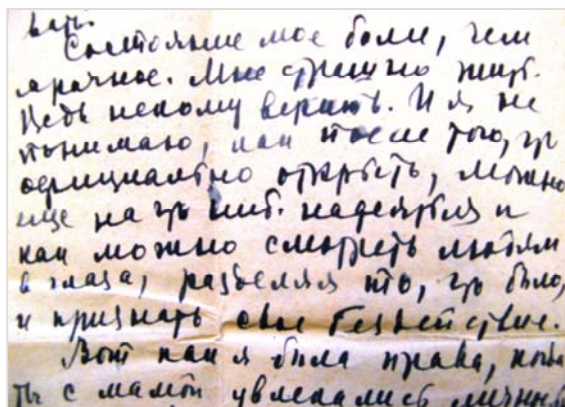
Из газет и писем друзей узнают в Логу тревожные известия.

17 июня 1953 г. в Восточном Берлине начались экономические выступления рабочих, переросшие в политическую забастовку по всей стране. 23 июня М. В. Ямщикова откликается на происходящее одной строкой: *«Беспорядки в Германии пугают»* (14141/54 23.06.1953 г.).

Новая «большая» тема возникает в письмах М. В. Ямщиковой в середине 50-х гг., когда после смерти Сталина (1953 г.) из ссылки начинают возвращаться репрессированные, начинается процесс реабилитации. Маргарита Владимировна рассказывает в письме Л. В. Невской, как пришла к ней Лена Бокий, дочь Г. И. Бокия, бывшего комиссара гос. безопасности, расстрелянного в 1937 г., *«преждевременно поседевшая и измученная нечеловеческими жестокостями ссылки, получив официальную бумагу с текстом, гласившим, что она была арестована без всяких обоснований»* (17361/14 22.02.1955 г.).

Отчаяние в других письмах: «У меня в душе хаос, ужас, все чувства в смятении, и я рада, что скоро мне будет конец, ибо нет сил больше кувиркаться, как в цирке... Ведь в 18 году нас пробирали за изречение жирондистов «Революция – Сатурн, пожирающий своих детей», а теперь мы стоим перед этим Сатурном и не знаем, кого ему захочется скушать» (17361/15 16.08.1955 г.).

«... Кто-то же должен за это отвечать...» Неужели просто радоваться тому, что «Владимира Невского, вдохновенного, украшение партии, безупречного борца, угробили ни за что и теперь для него сделана... милость: его восстановили в партии, а жене его... не знающей даже, где его могила, дали персональную пенсию!» – пишет Маргарита Владимировна Л. В. Невской (17361/14 22.02.1955 г.). Ей же доверена мысль о невыносимом чувстве вины и сопричастности злу: «Состояние мое более, чем мрачное. Мне страшно жить. Ведь некому верить. И я не понимаю, как после того, что официально открыто, можно еще на что ниб. надеяться и как можно смотреть людям в глаза, разделяя то, что было, и признать свое бездействие. Вот как я была права, когда ты с мамой увлекалась личностью сумасшедшего, растоптавшего страну и лучших людей. Неужели теперь Вам неясно, как Вы жестоко ошибались?» «... рядом – черная яма, где гнили заживо лучшие люди – мученики» (17361/19 11.04.1956 г.).

всп.
Самостояние мое более, чем
мрачное. Мне страшно жить.
Ведь некому верить. И я не
понимаю, как после того, что
официально открыто, можно
еще на что ниб. надеяться и
как можно смотреть людям
в глаза, разделять то, что было,
и признать свое бездействие.
Вот как я была права, когда
ты с мамой увлекалась личностью

Из письма Л. В. Невской от 11 апреля 1956 г.

Может быть, эта «яма» затянула и А. А. Фадеева. О нем Маргарита Владимировна рассказывает О. К. Гориневской (33807/8 13.05.1956 г.), начиная со слова «слушай».

29 мая 1956 г. она получила письмо А. А. Фадеева, написанное «горячо, от всего сердца». Тут же ответила с благодарностью за внимание, доброе отношение. А ровно через две недели Фадеева не стало.

«... В 3 часа 13-го мая он, поговорив со многими соседями, кому то давал советы и сказал, что уснет, чтобы разбудили в таком то часу, а сам сел в кресло, положил голову на подушку и под нею застрелился, чтобы не было слышно выстрела...

Хоронили с торжеством, но газеты, Бог мой, что они написали: "покончил с собой в припадке алкоголизма", тогда как он 2 года ничего не пил... и мог еще жить и жить. А по городу ползут мерзкие сплетни и вины небывалые, – ославили ни за что чудесного человека!.. Почему он так сделал? Потому, что не мог больше "кувыркаться", как прикажут, переделывать свои книги по указке, слышать несправедливые обвинения в том, что не отстояли сосланных... Подлые кривотолки "народных масс"» слышались даже на похоронах. А «старому больному человеку, доживающему, против желания, век в этом лучшем из миров» (33807/12 9.10.1956 г.), «дышать нечем» (33807/8 13.05.1956 г.) от горя, бессилия, сострадания.

Маргарита Владимировна сопереживала поэту К. М. Симонову, когда после событий 1956 г. в Венгрии на журнал «Новый мир» обрушился шквал критики за публикацию романа В. Дудинцева «Не хлебом единым». Н. С. Хрущев на встрече с творческой интеллигенцией в мае 1957 г. сурово высказался в адрес В. Дудинцева и журнала «Новый мир», и как следствие – Симонов был отправлен в отставку с поста главного редактора. *«... Я до сих пор не могу без боли думать об этом чудесном человеке, кот. сказал: "Я думал, что стерегу 30 лет Храм, а стерег уборную"» (11842/70 17.06.1957 г.), – пишет Маргарита Владимировна.*

«Подумай, сколько трагедий было пережито и сколько мы их видели кругом. Я порою, просыпаясь, благословляю, что беспомощна и не соприкасаюсь с жизнью, не вижу ее противоречий и грязи, нигде не бываю. Ведь с кем ни соприкоснешься, –

несправедливость, грязь; кровь и страдания всюду...» (33807/5 14.12.1955 г.)⁶, – обращается «ярый мизантроп Алтаев» к О. К. Гориневской.

50-е годы оказались для М. В. Ямщиковой временем потерь, разочарования в людях. Она цитирует в письме И. Ф. Кунину, не называя автора, стихи Н. С. Гумилева:

*Только змеи сбрасывают кожу,
Чтоб душа старела и росла;
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.*

Даже Лог кажется не таким уж прекрасным, и она посылает другу свое стихотворение:

*Соловьи исчезли,
Не слышать свирели...
Как мы захирели,
Как мы одряхлели!*

*Все кусты сирени
Козы обглодали.
У крыльца ступени
Тоже обветшали.*

*«Древо фей» упало,
Ель в саду сломалась...
От бывшего мало
Здесь в Логу осталось.*

*Из окна унылый
Вид на пни среди поля...
Где пейзаж мне милый?
Где былая доля?*

*– Потерпи немного,
Дай ты только время,
– Встанет у дороги
Молодое племя.*

*Соловьи вернуться
С новой весною...
Спины разогнутся...*

Верь, мой друг, со мною. (14141/34 14.06.1952 г.)

Это полушутливое – полусерьезное стихотворение для Маргариты Владимировны Ямщиковой характерно: в нем и ирония над собственным унынием, и оптимизм.

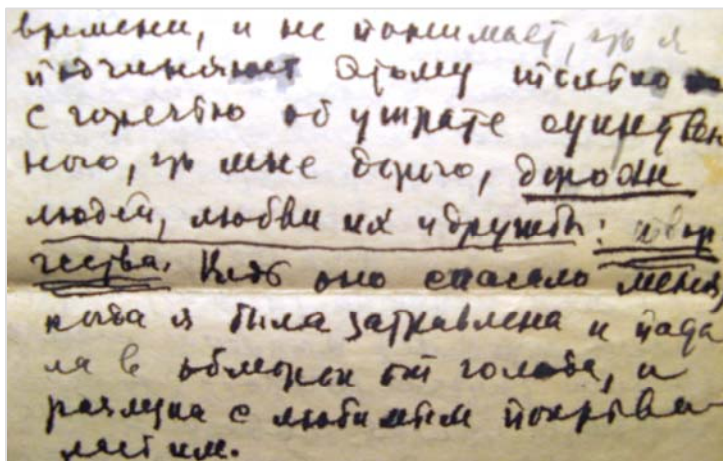
«Спасительное творчество»

Как и мечтала, Маргарита Владимировна работала всю жизнь, ведомая «спасительным творчеством», помогающим преодолеть всё. Отрывки из писем подтверждают это:

«... исполняется мое желание работать до последнего часа жизни. В этом отношении я хочу умереть, как Диккенс: ведь он писал до последнего и не кончил своего последнего произведения...» (11842/15 1.10.1952 г.);

«... мое страстное желание забиться в образе», «не видеть жизни и людей, от которых получаешь больше боли, чем добра, больше грубости, чем деликатности», «только в пере чувствуешь, что живешь» (11842/68 15.02.1956 г.);

«... успех и людские славословия, всякая лесть и превозношения последнего времени... я подчиняюсь этому только с горечью об утрате единственного, что мне дорого, дороже людей, любви их и дружбы: творчества» (11842/75 24.09.1957 г.).

Из письма И. Ф. Кунину от 24 сентября 1957 г.

Вдохновенное творчество и ежедневный ремесленный труд – смысл жизни Ал. Алтаева, сила, продлевающая жизнь. Отсюда и возникающий в одном из писем образ-символ «*поэтической старой березы*», которую «сломала буря, но она так полна жизни и так не хочет умирать, что от места перелома во все стороны брызнули новые побеги и даже дали сережки – семена. Правда, красиво?» (11842/50 16.07.55 г.)

Потемлу?

Они так красиво, так нежно любили,
И взмозг, и гдиденбе друг друга любили,
Мечтали о ветном душевном слиянне,
И не смели сказать о своем рассталакте...

Она полюбила о доме заботы,
А он свет уютн посли важной работы...
Любили крикательне дни по субботам,
И оба егатами семейство отмогали.

И так голубки дожили до чреда,
Ах, были верны, слагу они оба...

Прес смертью старушке из книги забытой
На етсик неожидан разе чинала,
Напомнил ^{одеж} даром идогити,
И так же сонетоме прожить все сначала
Савесем поимолу, а как — невдолек,
И нестали неразгадаибны мажи урок.

Ал. Алтаев

¹ **КП-14141 (1-194)**. – ПГОИАХМЗ. ОРиРК. Фонд Ал. Алтаева. № 21. Коллекция писем, почтовых карточек, рукописей и т. д. М. В. Ямщиковой-Алтаевой. (Письма Ямщиковой М. В. Гиттерман Ю. Д. и Гиттерману М. И. и др.)

² **КП 11842 (1-77)**. – ПГОИАХМЗ. ОРиРК. Фонд Ал. Алтаева. № 21. (Письма Ямщиковой М. В. Кунину И. Ф.)

³ Цитаты приводятся в авторской орфографии.

⁴ **КП-35627 (1-51)**. – ПГОИАХМЗ. ОРиРК. Фонд Ал. Алтаева. № 21. (Письма Ямщиковой М. В. Кунину И. Ф.)

⁵ **КП-17361 (1-35)**. – ПГОИАХМЗ. ОРиРК. Фонд Ал. Алтаева. № 21. Добавление. (Письма Ямщиковой М. В. Невским и др.)

⁶ **КП-33807 (1-29)**. – ПГОИАХМЗ. ОРиРК. Фонд Ал. Алтаева. № 21. Добавление. (Письма Ямщиковой М. В. Гориневской О. К.)